



\*\*\*

Алиция ежедневно звонила мне в контору в обеденное время. Так было удобно нам обоим. Но в тот понедельник все пошло кувырком: в городе у нее случились какие-то дела, из-за чего ей пришлось задержаться на работе, а потом она торопилась на поезд, опаздывая на встречу с Гуннаром, так что звонок ко мне плавно переехал на вторник.

Фриц ответил, что меня нет. Алиция поинтересовалась, когда я буду. По-датски она говорила уже совсем свободно, и ей без труда давались даже весьма изысканные и сложные обороты. Фриц ответил, что не знает, чем, скорее всего, положил бы разговору конец, если бы, вопреки обычаям, не прибавил кое-что от себя (Алиция, неплохо изучившая датчан, по собственной инициативе ни за что не спросила бы ни о чем больше).

— Боюсь, не заболела ли она, — добавил Фриц. — Вчера ее тоже не было.

Алиция встревожилась и, задав пару вопросов, выяснила, что мое отсутствие весьма странно, ибо, во-первых, в конце прошлой недели я отлично себя чувствовала, во-вторых, никого не предупредила, что не приду, в-третьих, прекрасно знала, что у нас много работы, и даже обещала несколько эскизов

закончить побыстрее, причем всегда держала слово. И вот эскизы лежат на столе незаконченные, а меня нет. Чрезвычайно странно.

Обеспокоенная Алиция позвонила мне домой. К телефону никто не подходил, что имело простое объяснение: ни меня, ни хозяйки квартиры нет дома. Поэтому Алиция позвонила еще раз поздно вечером, и хозяйка сообщила, что не видела меня с воскресенья, а в моей комнате царит привычный беспорядок.

На следующий день не на шутку обеспокоенная Алиция с утра висела на телефоне. Никто меня не видел. Ночевать я не приходила. Нигде не появлялась. Анита горячо отреагировала на расспросы Алиции, поскольку переводила мою книгу, в чем я была заинтересована куда больше ее, и ждала меня во вторник, но тщетно. Я не пришла и не подавала никаких вестей. Весь вечер она проработала одна — злилась, названивала мне, — и все без толку.

Все это привело Алицию в некоторое замешательство. Подумав, она вечером в четверг, после работы, пришла ко мне домой. Поговорив с квартирной хозяйкой, она осмотрела мою квартиру, проверила наличие вещей, прочла вопреки своим принципам заправленное в пишущую машинку письмо к Михалу, хотя это ей ничего не дало, ибо речь в нем шла о шансах Флоренс на победу в очередных скачках,

потом напилась кофе, посидела за моим столом и ничего не решила. Внезапный роман? На меня не похоже. Скорее мне снова что-то втемяшилось в башку, и я решила немедленно уехать в Польшу. Причем в чем была — без вещей, денег и документов, которые лежали в столе и среди которых не хватало только паспорта. Алиция обзвонила все больницы, полицию и пожарную команду. Никто обо мне ничего не знал, я как сквозь землю провалилась.

Дипломатично, с большими предосторожностями Алиция позвонила в Варшаву своей подруге и попросила узнать, не вернулась ли я. Не вернулась. Более того, недавно родные получили письмо, в котором я сообщала, что приеду через несколько месяцев.

Алиция подождала еще сутки и наконец решила заявить в полицию Копенгагена об исчезновении ее подруги, гражданки Польши.

Полиция соизволила проявить к моей персоне неподдельный интерес — сначала умеренный, потом повышенный, поскольку происходящим заинтересовался инспектор Йенсен, знавший меня лично. Не очень близко, но достаточно, чтобы понять: я способна на что угодно. Полиция стала выяснять, кто меня видел последним. И где.

Из всех опрошенных последней видела меня квартирная хозяйка. В воскресенье утром я ушла из

дому, когда она чистила ковер в прихожей. На вопрос блюстителей порядка, куда это я могла отправиться, Алиция, не задумываясь, ответила: в Шарлоттенлунд, на бега. Блюстители порядка двинулись по моим следам в Шарлоттенлунд. Наступило воскресенье, что значительно облегчало их миссию, поскольку создались условия, подобные тем, что и неделю назад: опять были скачки и трибуны заполнила толпа.

Для начала они наткнулись на лысого недомерка в шляпе. Отсидев, сколько положено, он пользовался заслуженной свободой. Ничего не скрывая, честно и откровенно недомерок признался полицейским, что действительно видел меня неделю назад и даже разговаривал. Я произвела на него впечатление человека, довольного жизнью, поскольку была в выигрыше. Сколько я выиграла? Пару кусков. Точнее? Ну, приблизительно четыре тысячи шестнадцать крон. Любо́й был бы доволен жизнью. Да, я разговаривала и с другими, да, он сам видел — околачиваются тут два типа, он и раньше меня с ними часто замечал. И в то воскресенье я пообщалась с ними, а что делала дальше, он не знает.

Добрались и до тех двух. Они оказались французами. И подтвердили, что действительно я что-то выиграла, возможно, порядочно, а разговаривали со

мной, так как я хорошо знаю язык, а вот что было дальше, они не знают. На все вопросы они отвечали предельно кратко и уклончиво, полиции это показалось подозрительным, и она активизировала свои поиски, в результате чего был выявлен еще один тип, который, правда, со мной знаком не был и никогда не разговаривал, но обратил на меня внимание. Просто потому, что я ему нравилась. Почему так — неизвестно, может, у него дурной вкус, понравилась, и всё тут.

Так вот, этот с дурным вкусом дал показания, что с французами я разговаривала напоследок и ушла вместе с ними. Он тоже выходил и видел, как мы все сели в какую-то машину, а что было дальше, не знает. И очень жалеет, что сегодня меня нет.

Припертые к стенке французы принялись выкручиваться и давать противоречивые показания: они подбросили меня на машине до станции, они высадили меня в центре города, это была их машина, не их машина, машина одного знакомого, машина одного незнакомого. В конце концов они так запутались, явно стараясь что-то скрыть, что вызвали подозрения у инспектора Йенсена. Было допрошено еще несколько свидетелей: завсегда таи бегов обычно знают друг друга, я же, иностранка, была особенно заметна. Удалось установить, кому принадлежала

машина. Выяснилось, что ее владелец давно на заметке у полиции.

Инспектор Йенсен лично занялся моим делом, что чрезвычайно удивило Алицию. К тому времени она знала о его высоком ранге в датской полиции и никак не могла понять, почему я представляю такой интерес для последней. Если бы я совершила какое-нибудь грандиозное преступление, ей, самому близкому мне человеку, было бы наверняка все известно, так в чем же дело? Однако инспектор Йенсен знал, что делает.

Припертые еще крепче к стенке французы (как и хозяин машины) сказали наконец правду. Ничего не подделаешь, пришлось сознаваться: после бегов я поехала с ними в некий притон, где нелегально играли в покер и рулетку. Прибыв в притон, я, не моргнув глазом, заплатила за вход довольно крупную сумму, села за рулетку, кажется, выигрывала, кажется, очень много, видно, такой уж счастливый день у меня выдался. А потом они как-то потеряли меня из виду. Сами они проигрались и рано ушли, а я, кажется, осталась. Где этот притон? А в такой старой развалюхе на улице Нильса Юэля, возле канала.

Только тогда в умах полицейских чинов забрезжили первые, еще неотчетливые ассоциации. Полицию залихорадило.

Дело в том, что Интерпол подготавливал большую и сложную операцию по ликвидации мафии, захватившей в свои руки игорные дома. Планировалось нанести удар одновременно в нескольких европейских странах. Полиция надеялась захватить всех главарей и имущество мафии. Полицейский рейд в притон на улице Нильса Юэля был совершен тем вечером в рамках этой акции. Рейд оказался удачным, игроков застали на месте преступления, даже обнаружили один свежий труп. Притон прикрыли. Порок был наказан. Но получается, что им, то есть полиции, должно быть все обо мне известно, раз я находилась в том притоне. И что же? Они ничего не знают. И меня не видели. А что самое неприятное, полицейская операция подтвердила подозрение, что к ним внедрился «крот» мафиози. Единственное утешение — не только к ним. Расторопная шайка, а точнее, мощный международный синдикат преступников имел своих людей во всех полициях всех стран, где действовали его отделения. Слабое, конечно, утешение. Тем более что все киты ускользнули, а труп не мог дать никаких показаний. Некоторые из задержанных полицией мелких рыбешек и обыкновенные игроки показали, что видели меня в притоне, что я делала ставки, а потом поднялась жуткая суматоха, и куда я делась — не знают.



Итак, я исчезла, как камень, брошенный в воду.  
След мой затерялся.

\*\*\*

Я сама, разумеется, прекрасно знала, где нахожусь, только у меня не было никакой возможности сообщить о себе. Происходило же со мной вот что.

В ту пятницу — перед роковым воскресеньем — мне наконец удалось купить прекрасный и очень дорогой географический атлас мира, о котором я давно мечтала. Купила и из-за своей дурацкой рассеянности забыла на работе. Там же на вешалке в авоське ждали своего часа польско-английский словарь и наполовину связанный шарф из белого акрила. В прошлый четверг я собиралась к Аните, но она не смогла меня принять, и мы перенесли встречу на вторник, а таскать все это с собой почти неделю мне не хотелось. Анита переводила мою книгу, словарем мы пользовались в творческом процессе, а шарф я вязала по ходу дела. У Аниты были заняты руки и голова, у меня только голова, так что руки я могла использовать для создания материальных ценностей. А словарь был жутко тяжелый, и, понятно, мне не хотелось, чтобы он сопровождал меня повсюду.

Да, так вот если шарф и словарь могли пребывать на работе, то атлас... Я страстно мечтала полистать

его в уик-энд и вообще насладиться тем, что дорогая и желанная вещь всегда под рукой, что она тебе принадлежит. Вот я и решила заскочить в контору в воскресенье по пути в Шарлоттенлунд. Конечно, удобнее было бы заехать за вещами на обратном пути, но к тому времени в конторе могли запереть парадную дверь.

План я реализовала. Атлас, хотя и с большим трудом, удалось запихнуть в сетку к словарю, отчего та ужасно потяжелела, поэтому на ипподроме я сдала ее в гардероб. Стараясь не забыть там сетку, я монотонно повторяла про себя: «Забрать сетку из гардероба, забрать сетку...» — и так сконцентрировала все свои умственные способности на этой проблеме, что выиграла.

В пятом заезде я поставила на Фукса и стала с нетерпением ожидать, что же из этого выйдет, так как до сих пор побеждали сплошные фавориты, прямо зло брало. Правда, на одном фаворите я выиграла-таки 68 крон, но ведь это мелочь, позор для моего польского гонора. Протест против несправедливости проявился немедленно: я стала ставить подряд в каждом заезде на 6—4. Сказать, почему я так делала, не могу. Может, потому, что когда-то, несколько лет назад, нам с Михалом жутко не везло именно с порядком 6—4 — мы ни разу не выиграли. Теперь